

Онгоцонские хамниганы в XIX в.: этнический состав и расселение

Б. З. Нанзатов¹, М. М. Содномпилова^{2*}

¹Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

²Восточно-Сибирский государственный институт культуры, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Данная статья продолжает цикл работ, посвященных изучению этнического состава бурятских и хамниганских ведомств XIX в. Онгоцонская инородная управа представляла собой юго-западную окраину Урульгинской степной думы. Основу этнического состава онгоцонских хамниган представляли сартулы, сардулы, бахашилы, луникиры и чимчагиты. С одной стороны обнаруживаются связи с Монголией и Маньчжурией, с другой стороны обширные связи с эвенками от Енисея до Вилюя и Амгуни. В этническом составе этой этнотерриториальной группы отражены процессы консолидации элементов монгольского, солонского, эвенкийского происхождения, в результате которых формируется общая хамниганская идентичность.

Ключевые слова: хамниганы, тунгусы, эвенки, монгольские народы, сартуул, этногенез, этноним, картирование.

Для цитирования: Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Онгоцонские хамниганы в XIX в.: этнический состав и расселение // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2021. Т. 36. С. 24–36. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2021.36.24>

Ongotson Khamnigans in the 19th Century: Ethnic Composition and Allocation

B. Z. Nanzatov¹, M. M. Sodnompilova^{2*}

¹Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

²East-Siberian State Institute of Culture, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. This article continues the series of the works devoted to the study of ethnic composition of the Buryat and Khamnigan departments in 19th century. One of the self-government bodies of indigenous of the Transbaikalia in the 19th century was the Uruulginskaya Steppe Duma, the main population of which was the “Tungus of Manchu tribe”, as the Russian administration called them. The Ongotson indigenous council was the southwestern outskirts of the Uruulga Steppe duma. In the 19th century, in the literature, the population of this council, like most of the population of Uruulga Steppe Duma, was called “Horse Tungus”. The basis of the ethnic composition of the Ongotson Khamnigans was represented by *Sartuls*, *Sarduls*, *Bakhshils*, *Lunikers* and *Chimchagits*. The largest unit was the *Sartuls* – immigrants from Central Asia, who settled in Mongolia, mainly in the west of Khalkha. A part of the *Sartuls* in the east (in the Setsen-khan aimag, on the borderlands of Mongolia and Manchuria, in Jarut, Yekhe and Khada), became involved in the ethnic composition of both the Mongols and Manchus. From here, probably, take roots of both the *Sartuls* and *Sarduls* of Onon region. It was the *Sartuls* who had a key influence on the linguistic and confessional affiliation of all Ongotson Khamnigans. The ethnonym *Bakhshil* < *Vakasil* < *Vakaroi* indicates the participation of “Reindeer Tungus” (Evenks) in the formation of groups of “Horse Tungus” (Solon). The spread of the ethnonym *Vakarai* and its other phonetic variants indicates a wide area of its distribution in the Evenks environment. However, the existing hypotheses admit its origin in the Manchu-Tungusic, Yukaghir and Turkic environment, of which the first two are preferable. The ethnonym *Chimchigit* < *Chimchagir* may have Tungus-Manchurian and Mongolian roots. *Lunikir* is found in Transbaikalia, Mongolia and Barga, which reflects the long-term contacts of its carriers in this region. The origin of this ethnonym is unclear, although it has a form close to the Tungus languages. The discovered connections with Mongolia, Manchuria and vast expanses of Eastern Siberia and Amgun region reflect the crossroads of the migration routes of Mongols and Manchu-Tungusic both in Transbaikalia, and specifically in the Onon region. This significantly expands the research area into ethnic history not only of the Khamnigan, but also wider than the Mongolian and Manchu-Tungusic linguistic groups. A detailed map of the settlement of Ongotson Khamnigans, based on the census tables, was compiled.

Keywords: Khamnigan, Tungus, Evenks, Mongolian peoples, Sartuul, ethnogenesis, ethnonym, mapping.

For citation: Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. M. Ongotson Khamnigans in the 19th Century: Ethnic Composition and Allocation. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2021, Vol. 36, pp. 24–36. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2021.36.24> (in Russ.)

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.

For complete information about the authors, see the last page of the article.

Введение

В исследовании этнической истории Внутренней Азии особый интерес представляет этногенез народов Прибайкалья и Приаргунья – территорий, на которых в XIX в. проживало население, языком которого был хамниганский (тунгусский) в двух вариантах – монгольском и эвенкийском.

Настоящая статья ставит своей целью изучение этнического состава и расселения коренного населения Онгоцонской инородной управы Забайкальской области в XIX в. В переписных документах 1897 г. эта группа населения маркирована как «тунгусы» [Патканов 1912, с. 565–566]. Исследование опирается на данные переписи С. К. Патканова 1897 г., архивные, этнографические и фольклорные материалы. В основе исследования лежит словообразовательный и семантический анализ этнонимов, а также сравнительно-исторический, лингвогеографический и этимологический методы.

В настоящее время территории расселения хамниган XIX в. находятся в пределах Забайкальского края. Земли бывшей Онгоцонской инородной управы располагались на территории Кыринского и Акшинского районов Забайкальского края. Внутри Онгоцонского массива находился анклав Агинской степной думы – Мухон-Тарбальджей. По документам XIX в. «тунгусы ведомства Онгоцонской инородной управы кочуют рассеянно: вверх по реке Онону от Акшинского до Алтанского урочищ, в разных урочищах, впадающих с левой стороны в реку Онон» [цит. по: Уварова, 2004, с. 37]

Значительные участки земли вблизи р. Онон от Акши до границы, а также участки, на которых располагались караулы от Ашенги до Мангута, находились в реестре казачьих земель. Так, по сведениям за 1727 г., несли службу: в районах пограничных маяков с 16-го по 28-й, на Бальджикане (Бальджиканский караул), на Алтане (Алтанский караул), около 28-го маяка (Кыринский караул) – тунгусы Сарадульского рода; на 29-м и 30-м маяках (Верхнеульхунский караул) – тунгусы Цамцагирского рода; на маяках с 31-го по 35-й (Мангутский караул) – Почегатского рода [Васильев, 1916, с. 66]. Несшие службу на этих караулах были представлены шилкинскими тунгусами, т. е. территориальными группами оловских и урульгинских хамниган. После частичной замены пограничной инородческой стражи в 1752 г. большинство шилкинцев было переведено от приграничья внутрь области, а на их место службы заступили нерчинские казаки и новокрещенные ясачные [Васильев, 1916, с. 68]. В списках на 1758 г. уже указаны представители других родов: Бальджиканский караул – Унисьярский род, Ульхунский караул – Чемчагирский, Кунеляцкий роды, Кыринский караул – Сартотский род, Мангутский караул – Почегатский, Уванасянский, Колтагирский роды, Алтанский – Теленбинский род, Тохторский караул – Оенский род [Васильев, 1916, с. 147]. Очевидно, А. П. Васильев при работе с архивами столкнулся с проблемами в идентификации названий административных родов тунгусов. Так, при сопоставлении с названиями административных родов предлагаем внести поправки к его таблицам: Бальджиканский караул – Луникерский род; Ульхунский – Чемчагирский и Гунэйский; Кыринский – Сартотский; Мангутский – Почегорский, Вакасильский и Кэлтэгирский; Алтанский – Телембинский (Еравнинский); Тохторский – Узонский.

Характерной особенностью Онгоцонской управы был высокий уровень владения населения монгольским и бурятским языками. Так, перепись 1897 г. отразила полное отсутствие носителей тунгусского языка, бурятским языком владели

98 чел. (в улусах Верх. Кыринском и Хурулгинском), монгольским – 2080 чел. (повсеместно, за исключением Бырцинского села), русским – 248 чел. (в Бырцинском селе, д. Усть-Улуруинской, в улусах Былыринском и Хурулгинском) [Патканов, 1912, с. 580–581]. Кроме того, в станицах Акшинского округа было отмечено 408 чел., владеющих бурятским языком, приписанных к Онгоцонской управе [Патканов, 1912, с. 592].

Как отметил С. К. Патканов, почти все население Онгоцонской и Кужертаевской управ, за исключением отдельных деревень, в которых проживают крещеные, являлось буддистами [Патканов, 1906, с. 222, 227]. Религиозные предпочтения тунгусского (хамниганского) населения Акшинского округа, помимо Онгоцонской управы включающего Кужертаевскую и Маньковскую управы, отражались следующим образом: буддизм – 3618 чел., христианство – 1029 чел., шаманизм – 89 чел. [Там же, с. 229]. Причем, судя по этнографическим сведениям, большинство христиан и шаманистов представлены населением Маньковской управы. По более ранним сведениям, в 1829 г. в Онгоцонской управе 1515 чел. из 1645 придерживались «ламской веры», а 130 были «христианами греческого исповедания» [ГАЗК. Ф. 55. Оп. 1. Д. 36. Л. 2].

Этнический состав и численность

В 1829 г. в ведомстве Онгоцонской инородной управы состояло три административных рода (табл. 1).

Таблица 1

Онгоцонская инородная управа (население, 1828 г.)
[ГАЗК. Ф. 55. Оп. 1. Д. 36. Л. 32–33]

Административный род	Число душ
Вакасильский	69
Луникирский	253
Сартоцкий	168
Итого	490

В 1897 г. в ведомстве Онгоцонской инородной управы состояло уже девять административных родов (табл. 2).

По сравнению с переписью 1829 г., число административных родов в 1897 г. увеличилось. В прежнем состоянии остались Вакасильский и Луникерский административные роды. Единый прежде Сартоцкий род распался на два – Сартутский и Сартульский.

Появившийся в списках Онгоцонской управы после 1829 г. Чимчагитский род, очевидно, связан с упоминавшимся ранее в районе оз. Иргень Чемчагирским родом, наряду с Поинкинским и Харанутским, упоминавшимся в XVII в. как группа «воров и изменников» [Долгих, 1960, с. 346]. В 1677 г. в челобитной луникирцев говорится о том, что «Телембинского уезду ясачные тунгусы Поинкинско-го, Каранутского и Чемчагирского родов изменили, отъехали от острога вверх по Онону в далекие места и теперь, в 1682 г., подозвав еще онкотских людей, угоняют у ясачных тунгусов конные табуны и скот» (Цит. по: [Там же, с. 346]). Вероятно, именно в том году чемчагиры стали закрепляться и в верховьях Онона. В 1735 г. было зафиксировано 37 трудоспособных мужчин, или примерно 200 чел. [Там же, с. 347].

Таблица 2

Онгоцонская инородная управа (население, 1897 г.)
[Патканов, 1912, с. 568–569]

№	Населенный пункт	Административный род									
		Вакасильский	Луникерский	Сартутский	Сартольский	Чимчагитский	Гучитский	Харанутский	Узонский	Яравнинский	Без указ. А.Р.
1	Алтанский, улус	–	14	–	106	–	–	–	–	1	–
2	Билютуевский, улус	–	55	–	39	–	–	44	–	–	–
3	Нижне-Кыринский, улус	103	37	–	71	4	–	3	–	–	–
4	Верхне-Кыринский, улус	6	88	66	2	–	2	–	–	–	–
5	Былыринский, улус	18	53	24	–	3	–	–	–	–	–
6	Усть-Улуриная, д.	–	–	2	–	16	–	–	–	–	–
7	Бырцинское сел.	–	39	89	–	40	–	–	–	–	–
8	Верхне-Бырцинский, улус	–	13	197	–	–	–	–	–	–	–
9	Нижне-Бырцинский, улус	2	20	162	–	–	–	–	–	–	1
10	Бырцинский дац.	5	7	22	–	7	1	–	–	–	–
11	Курультеевский, улус	6	59	34	–	4	–	–	–	–	–
12	Курултекэнский, улус	10	13	74	–	11	–	–	–	–	–
13	Тарбальджейский, улус	90	45	71	–	41	–	–	7	–	–
14	Хурулгинский, улус	223	23	–	156	11	15	–	26	–	–
15	Улачинский, улус	8	3	53	–	9	33	–	9	–	–
16	Акшинский, улус	–	7	–	16	–	–	–	–	–	–
Итого		471	476	794	390	146	51	47	42	1	1

Гучитский и Узонский роды Онгоцонской управы, представленные в улусах Улачинском, Хурулгинском, Тарбальджейском, Верхне-Кыринском, являются частью Гучитского и Узонского административных родов Кужертаевской инородной управы, где их было значительно больше [Патканов, 1912, с. 577].

Харанутский род, отмеченный в Билютуевском и Нижне-Кыринском улусах, является ответвлением Чикойско-Харанутского административного рода Селенгинской степной думы, а именно представителем фамилии почетных граждан Грудиных (см.: [Нанзатов, 2016, с. 103, 251]).

Представленный одним человеком Яравнинский административный род являлся ответвлением одноименного рода Урульгинской инородной управы. Основу его составляли табангуты (табунуты, тавнангуты), кочевавшие прежде в районе Еравнинских озер (см.: [Долгих, 1960, с. 347]). Об этом свидетельствует обнаруженный нами в архиве оттиск печати главы Яравнинского рода, на котором говорилось, что это «печать тавнангуцкого роду» (подробнее см.: [Нанзатов, 2016, с. 128; ГАЗК. Ф. 29. Оп. 1. Д. 6. Л. 418]).

Таким образом, основу местного населения составляли представители Вакасильского, Луникерского, Сартутского и Сартульского, а также Чимчагитского административных родов (рис.).

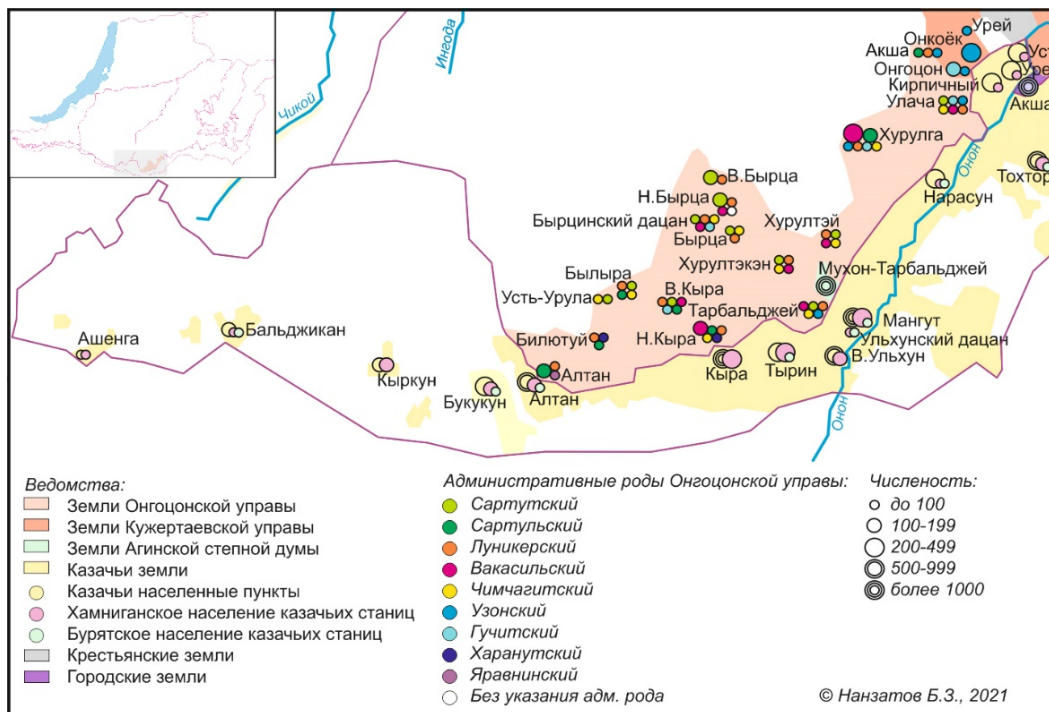

Рис. Онгоцонская управа: этнический состав (1897 г.)

Этнонимы

Исследование этнического состава онгоцонских хамниган позволяет нам выделить группу этнонимов, встречающихся преимущественно среди этой группы населения. Это, прежде всего, названия таких административных родов, как Вакасильский, Луникерский, Сартутский, Сартольский и Чимчагитский. Носители этих этнонимов составляли 94 % от всего населения управы.

Сартуул/сартууд. Й. Г. Георги записал этноним как Sartot [Georgi, 1775, s. 245], П. С. Паллас – как *Сортотъ* [1788, с. 331]. В XX в. этноним фиксировался в форме *сартул, сартуул* [Дамдинов, 1962, с. 173; Ринчен, 1969, с. 28–29].

Зафиксированный в 1828 г. единый прежде Сартотский административный род после разделения на две административные единицы не получил привычную в таких случаях номинацию как I и II. Эти роды получили названия Сартольский/Сортольский и Сартутский/Сартотский/Сортутский [Патканов, 1912, с. 558, 577, 581], как фиксировалось в XVIII в. В основу названия *Сартотский* легла монгольская форма этнонима *сартуул*, где монгольское окончание мн. ч. -д заменило финальный -л, т. е. *sartuul > sartuud > сартот* (по русским документам XVII–XIX вв.).

В Читинском округе Сартутский административный род помимо Онгоцонской фиксировался в Кужертаевской инородной управе – 20 чел. и Урульгинской инородной управе – 10 чел., Сартольский в Кужертаевской инородной управе – 15 чел. и Агинской степной думе – 5 чел. [Там же, с. 558]. В Селенгинской степной думе Селенгинского округа были зафиксированы I и II Сартоловы роды общей численностью 4622 чел. [Там же, с. 650].

О происхождении названия *сартул* существуют две версии. Первой и наиболее распространенной является гипотеза о происхождении *сартулов* от *сартов* – «бухарцев», среднеазиатов, впервые высказанная Д. Банзаровым [1955, с. 188]. Наиболее подробно происхождение этнонима от терминов *сарт* и *гур* описал И. Д. Бураев. Развитие этнонима *сартул* им представлено следующим образом: сарт (бухарец, хорезмиец) + гур (государство, народ) > сартагул > сартуул [Бураев, 1965, с. 109]. Еще одной гипотезой является версия народной этимологии, ведущая происхождение сартульского народа от местности с названием *Сарта уула* (букв. «Лунная гора») ориентировочно в Западной Монголии [Абаева, 1992, с. 37]. Однако упоминание этого этнонима в *Mongyol-un niyuča tobčiyan* – «Сокровенном сказании монголов» в конкретном контексте отмечает версию, основанную на народной этимологии (см. например: [Козин, 1941, § 260, 263, 265; Cleaves, 1982, § 260, 263, 265]).

По преданиям *сартулов*, их основная масса прибыла в Забайкалье, избегая войн Галдан-Бошогу хана [Бурятские летописи, 1995, с. 138]. Однако, по мнению Б. О. Долгих, в Забайкалье были и свои *сартулы*, кочевавшие по Селенге вместе с *атаганами* и *хатагинами* [1960, с. 318]. Еще одно упоминание о *сартулах* говорит, что они перешли в Джидинские степи из Сэцэн-ханского аймака в 1630 г., но нельзя исключать и возможность расселения другой группы *сартулов* в долине Селенги [Румянцев, 1965, с. 89]. По нашему мнению, также актуально предположение о миграции *сартулов* из двух регионов Монголии, как с юго-востока – с земель Сэцэн-хана, так и с юго-запада – с Тушету-хановских земель. Подтверждением может служить пестрый этнический состав, указывающий на связи с отмеченными выше регионами Монголии.

Основу ононских сартульских отоков, судя по этнографическим данным, собранным у монгольских сартулов-хамниган (монг. *Сартуул*), составляли: *бамбадайн*, *бамбачаан/бамбачин*, *баахашил*, *гуриг/гураг*, *гуринх/гуринха*, *гачинха*, *кэпцэнүүд/кэпчээнид*, *махан*, *модоргон*, *хатагин/хатигин*, *шинжиг/шинжээг* [Ринчен, 1969, с. 28; Бадамхатан, 2012, с. 54]. Среди хамниган Монголии в сомонах Дадал и Норовлин Хэнтэйского аймака, а также в сомоне Баян-уул Восточного (Дорнод) аймака был зафиксирован вариант этнонима *Саардуул/Сарадул* [Ринчен, 1969, с. 29].

Основу селенгинских сартульских отоков составляли множество костей: *сартул*, *хорчит*, *ашибагат*, *хэрэйт*, *хачинут*, *хатагин*, *салдэжуут*, *булгат*, *хойт*, *харанут*, *галзут*, *баатут*, *атаган*, *хулмэн(гэ)*, *урянхай*, *горлит (горлос)*, *онхой*, *цонгол*, *хэрдэг*, *алагуй*, *бунгут*, *хурхат*, *хатнол*, *зэрит-арбатан*, *хариан*, *арбагатаан* [Румянцев, 1965, с. 98, 110].

Помимо этих двух групп, известны кости *сартулов* среди балаганских бурят II Кульметского рода: *шарга-хартул* и *зэрдэ-хартул* [Румянцев, 1965, с. 98, 110], а также в составе аларских бурят – *бурхи-хартул*, давших название одному из аларских улусов Бурхи (русск. Бурково) [ОППВ ИМБТ СО РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 888. Л. 19, 25]. Этнонимы бурятским инициальным фарингальным *h-* на месте *s-* были зафиксированы также и на востоке Монголии, форма *хартуул* – в сомоне Дадал Хэнтэйского аймака и в сомоне Баян-уул Восточного аймака, а форма *хартууд* – в сомоне Цагаан-овоо Восточного аймака [Ринчен, 1969, с. 29].

Из всех указанных подразделений у хамниганских и бурятских сартулов совпадает *хатагин*. Среди монгольских сартулов, по мнению Б. Ринчена, обнаруживается параллель с этнонимом *махан*, встречающимся на востоке Монголии в Хэнтэйском и Завханском аймаках [1969, с. 28].

В контексте идеи об активных миграционных движениях представителей этой этнической группы по территории Сибири внимание привлекает название якутского *Сортольского рода* Орготского наслега Средне-Вилнойского улуса и *Сортогарского рода* Хоринского наслега Сунтарского улуса [Справочник, 1911, с. 89, 94; Патканов, 1912, с. 793]. В первом случае, вероятно, отражается нормальное развитие этнонима в среде окружающих говоров якутского языка (подробнее см.: [Иванов, 1980]), т. е. *sartūl* > *sortōl*. Во втором случае, где представлена форма *sortōbuag*, можно допустить, что этноним мог попасть и с берегов Онона: вероятность присутствия в якутской среде потомков сартулов из Северо-Восточной Монголии, где сартулы широко представлены как среди монголов [Ринчен, 1979, карта 71], так и в числе ононских хамниган [Дамдинов, 1962, с. 175], очень велика. Данный этноним привлекает внимание своим окончанием, имеющим форму *-гар/-гэр* (сравн. *дулигар*, *келтегер*, *почегор*). Хотя среди ононских хамниган не сохранилось формы *сартогар*, считаем вполне возможным развитие подобной формы в контактной среде монголов и тунгусо-маньчжуров в зоне сильного влияния последних.

Саардуул/сардул/сарадур. У Й. Г. Георги отмечен этноним *Saradur* [Georgi, 1775, s. 245], у П. С. Палласа – *Сарадурь* [Паллас, 1788, с. 331], у Д. Г. Дамдинова – *сарадул* [Дамдинов, 1962, с. 173]. Также среди хамниган Монголии в сомонах Дадал и Норовлин Хэнтэйского аймака, в сомоне Баян-уул Восточного (Дорнод) аймака был зафиксирован вариант этнонима *Саардуул* [Ринчен, 1969, с. 28–29].

Как было отмечено выше, единый в 1828 г. Сартотский род был вновь разделен и к концу XIX в. было зафиксировано два близких по названию рода. Судя по количеству подразделений, зафиксированных у сартулов, откочевавших в Монголию в XX в., Сартотским был именно *сартуул*, а Сартольским – *саарадул*.

Вероятно, в основу названия легла форма, развившаяся под влиянием тунгусо-маньчжурского языкового влияния, – *сарадул/саарадул*. В XVII в. в этническом составе маньчжуров обнаруживаются этнонимы, близкие к монгольскому *сартуул* – *сарту* и *сарду*. По мнению Е. П. Лебедевой, *сарту* из Ехэ были монголами, а в отношении рода *сайнь сарту* у нее возникли сомнения, так как они были расселены в местности Чжарут, где преимущественно жили маньчжуры. А *сарду* из местности Хада Е. П. Лебедева однозначно причисляла к маньчжурам [1958, с. 222]. Возможно, в данном случае отражено типологическое развитие фонетического облика этнонима в тунгусо-маньчжурских языках, с отражением озвончения *t* > *d*, т. е. *sartū* > *sardū* в маньчжурском и *sartūl* > *sardūl* > *sār^adūl* у хамниган под ранним влиянием эвенкийского (солонского) языка, где отмечается также развитие долготы в ударном первом слоге под влиянием монгольского (бурятского) языка.

Вакасил. В XVII–XVIII вв. в русских документах отмечался *Украинский род* тунгусов. Б. О. Долгих, сопоставив разные сведения, пришел к выводу, что название этого рода встречается также как *Вакасильский*, *Увакасильский*, *Вакарайский*, *Вакарельский*, *Векерейский* [1960, с. 343]. Г. М. Василевич расширила этот список такими формами, как: *Вакрай*, *Вокрай*, *Вакурай*, *Влакарский*, *Бекериентский*, *Декорайский*, *Выкурайский*, *Бекерей*, *Вакагил*, *Варакаи*, которые в XVII в. встречались на обширных территориях, а именно в верховьях Витима, по Калару, Калакану, Каренге, на оз. Баунт, между озерами Кучида и Еравна, на Албазине, на Вилуе [Василевич, 1969, с. 265–266].

Вакарай, вероятно, представляет собой архаичную форму этнонима, так как в XVII в. на обширных территориях были отмечены фонетические варианты именно этой формы. Вариант этнонима *вакасил*, очевидно, представляет собой развитие *вакарай* > *вакасил*, где к корню *вака-* присоединяется показатель множественного числа объекта *-сил* вместо *-рай* [Болдырев, 1974, с. 26]. Развитием этой формы забайкальского этнонима, по мнению Г. М. Василевич, является этноним *вакагил*, носители которого ушли на восток и, дойдя до низовьев Амгуни, вошли в состав негидальцев, где стали известны позднее как *чукчагиры* [1969, с. 266]. В данном случае отражен процесс фарингализации *s* > *h*, т. е. *вакасил* > *вакаһил* > *вакагил* (русск.).

Следует отметить, что попытки этимологии и сопоставления данного этнонима с этнонимами предшествующих эпох предпринимались неоднократно. Так, В. А. Туголуков предлагал связать этноним *увакасил* с *увас-меркитами*, а через них с *бекрин* [Туголуков, 1975, с. 105]. Эта гипотеза была поддержана В. В. Ушницким [2013, с. 193]. Однако 兀花思 (*wùhuāsi/wou-houa-sseu*), реконструированный П. Пелльо и А. Амби как *Uqas, Uhaz, Uwas, Uqas* [Histoire, 1951, р. 275], по мнению Г. Н. Румянцева [1962, с. 241] и Ц. Б. Цыдендамбаева [1972, с. 199], сопоставим с бурятским этнонимом *хоасай/хуасай*.

А. А. Бурыкин предложил связать *вакарай/вакасил* с юагирским этнонимом *вагаришл/вагарэл*, который означает «исконные, коренные», производными от которого является *вадул* – «здешний, свой», а также эвенкийский этноним *вакувагир*. [2006, с. 181]. Р. Г. Жамсарановой была предложена версия происхождения этнонима от тюркского *үгез*, а точнее от чувашского *вӑкӑр*, сопоставимого с монгольским *үхэр/укэр* [2011, с. 143–145]. Как уже было отмечено нами выше, корнеосновой этнонима является *вака-*, что оставляет последнюю гипотезу без основного аргумента.

Исторические предания эвенков Прибайкалья, повествующие о регулярных конфликтах между носителями этнонима *вакарай/вакасил* и эвенками, наводят на мысль о некоей их чужеродности эвенкийским родам. В эвенкийских преданиях *вокорои* представлены как сильный агрессивный народ, постоянно воевавший с эвенкийскими родами Витима, которых они побеждали и уводили в плен женщин и детей [Воскобойников, 1965, с. 19, 35, 36]. В связи с этим возникает мысль о возможности юагирского (или другого) происхождения *вакарай/вакасил*. Вместе с тем внутренние межродовые войны и столкновения в среде эвенков были обычным явлением, о чем свидетельствуют эвенкийские предания (см. например: [Василевич, 1966, с. 284, 292, 295, 296, 299, 301, 317]). Данные сведения не исключают и эвенкийское происхождение группы *вакарай/вакасил*. Таким образом, проблема происхождения этнонима *вакарай/вакасил* остается открытой.

Окончательный переход на монгольский язык жителями Онгоцонской управы, по крайней мере в XIX в., подразумевает и его влияние на форму этнонима. Так, в Приононье Д. Г. Дамдинов зафиксировал форму *бахачил* [1962, с. 173]. Позднее им же были отмечены варианты *баахашиг/баахашил* [Дамдинов, 1992, с. 21]. Б. Ринчен зафиксировал форму *баахашил* в сомоне Дадал Хэнтэйского аймака, в сомоне Баян-уул Восточного аймака. Кроме того, в Баян-ууле зачастую им фиксировалась форма *баахашид* [Ринчен, 1969, с. 22]. Формы этнонима, зафиксированные в Бурятии и Монголии, отражают нормальное фонетическое развитие *вакасил* > *бахашил* > *баахашил*. Наличие формы *бахачил*, вероятно, указывает на

частичное неразличение $\text{č}/\text{š}$ в цонголо-сартульском и хамниганском наречиях. Очевидно, что долгота в этнониме не исходная, а вторичная, указывающая на ударный слог, так же, как и в *саардуул*. В форме *баахашид* отмечается монгольское окончание мн. ч. -*д*.

Луникир. Основным местом расселения этого административного рода в XVII в. были территории под контролем Еравнинского и Телембинского острогов. К концу XIX в. Луникерский административный род фиксировался только в Онгоцонской и Кужертаевской управах Читинского округа [Патканов, 1912, с. 558]. По мнению Б. О. Долгих, этноним *Луникерский*, или *Уникерский*, вероятно, восходит к *Нзуникерский* [1960, с. 338, 342]. К сожалению, подтвердить или опровергнуть предположение Б. О. Долгих сложно, так как все еще не обнаружен какой-либо близкий фонетически аналог. Так как племя *луникир* в других местах не встречается, по-видимому, как и *вакасил/вакарой*, представляет собой группу коренного населения.

Этнографические сведения фиксируют этноним как в Забайкалье, так и в Монголии. Д. Г. Дамдинов зафиксировал форму *луникер* [1962, с. 173]. Позднее им же были отмечены варианты *луникер/дуникир* [Дамдинов, 1992, с. 21], *луникер/дуникир* [Там же, с. 21]. К. Урай-Кёхальми отмечала *луникир* в составе старых баргутов [1964, с. 158]. Б. Ринчен зафиксировал форму *лунээкэн* в сомоне Баян-уул Восточного аймака, форму *лунээкир* там же и в сомоне Дадал Хэнтэйского аймака [Ринчен, 1969, с. 26]. В монгольской форме этнонима отмечается долгота в ударном слоге. В варианте *лунээкэн*, вероятно, отмечается переосмысление с использованием уменьшительного суффикса *-qan / -ken*.

Следует добавить, что, по данным Б. О. Долгих, известно название одного подразделения луников – *сенкагир*, носители которого перешли на территорию Монголии в район р. Мензи [1960, с. 342]. По данным Т. Б. Уваровой, I Луникерским прежде назывался Келтегирский род [2005, с. 54]. К сожалению, больше сведений о связи *луников* и *келтегиров* не обнаружено (подробнее о *келтегир* см.: [Нанзатов, Содномпилова, 2020, с. 23–24]).

Чимчагит. Г. М. Василевич утверждает, что этноним *чемчагир* представляет собой фонетический вариант группы этнонимов *чилкагир/чинкагир/чилчагир/чэлкэгир*, вкратце объясняя это диалектными соответствиями [1967, с. 283–284]. Однако, как отметил Б. О. Долгих, у части луников, известной как *сенкагир*, были какие-то родственные связи с *чемчагирами* [1960, с. 342], при этом ни о какой родственной связи с *челкагирами*, расселенными поблизости, сведений нет. В связи с вышесказанным считаем преждевременным предположение Г. М. Василевич.

В середине XVII в. чемчагиры кочевали в верховьях рек Чикоя, Онона и Иро, однако в 1677 г. они откочевывают в Монголию, откуда в период 1680–1699 гг. ими было совершено несколько набегов и стычек с оставшимися по эту сторону границы «ясачными тунгусами». В XVIII в. небольшая оставшаяся часть платила ясак вместе с Челкагирским родом [Долгих, 1960, с. 346]. Вероятно, эта же группа чемчагиров в XIX в. была оформлена в отдельный административный род Онгоцонской управы.

В Монголии Б. Ринчен отметил формы *цэмцэгэд* и *шимшигид* в сомоне Баян-уул Восточного аймака [1969, с. 26]. А. Очиром и Ж. Сэржээ были зафиксированы формы *чимчигид*, *цэмцэгэд*, *чимчинүүд*, *шимшигид* в сомонах Чулуунхороот,

Гурванзагал Восточного аймака, в сомоне Зүүнговь Убсунурского аймака [Очир, Сэржээ, 1998, с. 20–24; Монгол улсын угсаатны зүй (2) 1996, с. 211]. Присутствие чимчигитов в Убсу-нурском аймаке объясняется политикой маньчжуров, выславших часть их в западные и южные хошуны Монголии после антиманьчжурских выступлений 1755–1758 гг. в Сэцэнхановском аймаке [Очир, 2016, с. 248–249].

В середине XVIII в. чимчигиты хошунов Ачит и Бишрэлт Сэцэнхановского аймака включились в антиманьчжурскую борьбу и после разгрома цинскими войсками частично были высланы в западные и южные хошуны Монголии.

Нами ранее было предложено сопоставление с этнонимом *чипчин/чибчин*, где, возможно, произошла замена $b > m$, т. е., предположительно, первичным представлялся этноним *чибчин* [Нанзатов, 2016, с. 251]. Однако в свете обнаружения этнонима *čimčagir* в Удском районе, а также в районе Енисея [Широкогородов, 2017, с. 231, 267] его эвенкийское происхождение представляется более вероятным.

Заключение

Исследование этнического состава, этнонимии, расселения онгоцонских хамниган в определенный исторический период позволило прояснить этнические процессы и предшествующих веков. Так, исследование этнического состава онгоцонских хамниган позволило выделить крупный тунгусский (солонский?) пласт, принявший участие в этнической истории данного региона и за его пределами. Длительные контакты с монголоязычным населением определили их сближение как в культурном, так и в языковом планах.

В этом же регионе обнаруживаются этноним, принадлежащий монгольскому населению, – *сартуул*, и его маньчжуризированный вариант *сарадул/саардуул*. Все эти группы населения, еще в XVII–XVIII вв. представлявшие собой разрозненные, зачастую противоборствующие группы, к XIX в. под влиянием сложившейся административной системы консолидируются в единую этнотерриториальную группу – онгоцонских хамниган. К XIX в. эта группа населения представляла собой конгломерат, объединенный единым языком – монгольским-хамниганским и приверженностью буддизму.

Результаты исследования позволяют говорить о мощном тунгусо-маньчжурском пласте, соседствующем с монгольским населением в Ононском регионе. Движение этих групп населения было связано не только с солонским и маньчжурским ареалами (Дунбэй), но и значительно шире, практически со всем ареалом эвенков от Енисея на западе, Вилюя на севере и Амгуни на востоке. Обнаруживаются систематические связи, характерные и для других групп хамниган.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания, проект № 121031000243-5 «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)».

Источники

ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края).
Ф. 29. Оп. 1. Д. 6.

ОПВ ИМБТ СО РАН (Отдел памятников письменности Востока ИМБТ СО РАН). Ф. 36. Оп. 1. Д. 888.

ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края).
Ф. 55. Оп. 1. Д. 36.

Список литературы

- Абаева Л. Л. Культ гор и буддизм в Бурятии. М.: Наука, 1992. 142 с.
- Банзаров Д. Собрание сочинений. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 375 с.
- Болдырев Б. В. Суффиксы имен существительных, обозначающих названия лица (На материале эвенкийского языка) // Вопросы языка и литературы народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 17–29.
- Буряев И. Д. Сартульский говор // Исследование бурятских диалектов. Вып. 1. Труды БКНИИ СО АН СССР, 1965, Вып. 17. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. С. 108–150.
- Бурькин А. А. Историко-этнографические и историко-культурные аспекты изучения ономастического пространства региона. Очерки по топонимике и этнонимике Восточной Сибири. СПб.: Петерб. востоковедение, 2006. 221 с.
- Бурятские летописи / сост.: Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. Курумкан: Курумкан. тип., 1995. 197 с.
- Василевич Г. М. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / запись текстов, перевод и комментарии Г. М. Василевич. М.; Л.: Наука, 1966. 400 с.
- Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Васильев А. П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита: Тип. Войск. хоз. Забайк. каз. войска, 1916. Т. 2. 267 с.
- Дамдинов Д. Г. К вопросу о происхождении ононских хамниганов // Из истории народов Бурятии (Труды БКНИИ СО АН СССР. Вып. 10). Улан-Удэ: Тип. м-ва культ. Бурят. АССР, 1962. С. 169–178.
- Дамдинов Д. Г. Ононские хамниганы (историко-этнографический очерк). Улан-Удэ: Сибирь, 1992. 57 с.
- Жамсаранова Р. Г. Генонимы тунгусов и инородцев-бурят Нерчинского уезда тюркского языкового происхождения (на материале ревизских описей XVIII – XIX вв.) // Сибирский филологический журнал. 2011. № 1. С. 142–150.
- Иванов С. А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1980. 184 с.
- Козин С. М. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongyol-un Niyuca Tobciyaun*. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. Т. 1. М.; Л., 1941. 620 с.
- Лебедева Е. П. К вопросу о родовом составе монголов // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. М.: Изд-во вост. лит., 1958. С. 219–227.
- Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Оловские хамниганы в XIX в.: этнический состав и расселение // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 31. С. 17–30. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.31.17>.
- Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 304 с.
- Паллас П. С. Петра Симона Палласа, доктора медицины, профессора натуральной истории и члена Российской императорской Академии наук, и Санктпетербургского Вольного экономического общества, также Римской императорской Академии испытателей естества и Королевского Аглинского ученого собрания, Путешествие по разным провинциям Российской империи: [в 3 ч.]. Ч. 3, половина 2: 1772 и 1773 годов / перевел Василий Зуев. СПб.: при Императорской Академии наук, [1773] 1788. – [2], 480 с.
- Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников. Ч. 1. Тунгусы собственно. СПб., 1906. Вып. 2. 287 с.
- Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 3. Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. СПб.: Тип. «Ш. Буссель», 1912. С. 434–999.
- Ринчен Б. Этнолингвистический атлас МНР. Улаанбаатар: АН МНР, 1979. 73 с.
- Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962. 266 с.
- Румянцев Г. Н. Селенгинские буряты // Труды БКНИИ СО АН СССР. Вып. 16. Улан-Удэ, 1965. С. 87–117.
- Справочник Якутской области на 1911 г. Изданный Якутским областным статистическим комитетом под редакцией секретаря комитета М. П. Николаева. Якутск: Тип. обл. управления, 1911. 118+13+68+10 с.
- Уварова Т. Б. Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках. М.: ИНИОН, 2004, 172 с.
- Ураи-Кёхальми К. Еще раз к вопросу о происхождении хамниган // Краткие сообщения Института народов Азии. Монголоведение и тюркология. М., 1964. Т. 83. С. 156–164.
- Ушницкий В. В. Загадка племени меркитов: проблема происхождения и потомства // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1(21). С. 191–195.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 664 с.
- Широкогоров С. М. Социальная организация северных тунгусов: пер. с англ. М.: Наука: Вост. лит., 2017. 710 с.
- Бадамхатан С. Халх ясны угсаатны байдал // Монгол улсын угсаатны зүй. Улаанбаатар: Монсудар, 2012. Т. 1. X. 21–58. На монг. яз.
- Очир А., Сэржээ Ж. Монголчуудын овгийн лавлах. Улаанбаатар: ШУА-н Информатикийн Хурээлэнгийн хэвлэх хэсэг, 1998. 67 х. На монг. яз.
- Ринчен Б. Монгол ард улсын хамниган аялгуу. Улаанбаатар: ШУА, 1969. 100 х. На монг. яз.
- Cleaves F. W. The Secret History of the Mongols. Cambridge–London: Harvard University Press, 1982. Vol. I (Translation). Lxv. 277 p.
- Georgi, Johann Gottlieb. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich / von Joh. Gottl. Georgi. St. Petersburg, 1775. Bd. 2: ... in den Jahren 1773 und 1774. 1775. 506 s.
- Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'inchêng lou. Traduit et annoté: P. Pelliot et L. Hambis. Leiden: E.J. Brill, 1951. T. I. XXVII, 485 p.

References

- Abaeva L. L. *Kult gor i buddizm v Buryatii [Mountain cult and Buddhism in Buryatia]*. Moscow, Nauka Publ., 1992, 140 p. (In Russ.)
- Badamkhatan S. Khalkh yastny ugsaatny baidal [Ethnic composition of Khalkh ethnic]. *Mongol ulsny ugsaatny züi [Ethnography of Mongolia]*. Ulaanbaatar, Monsudar Publ., 2012, Vol. 1, pp. 21–58. (In Mongolian)
- Banzarov D. *Sobranie sochinenii [Collected Works]*. Moscow, AS USSR Publ., 1955, 375 p. (In Russ.)
- Boldyrev B. V. Suffiksy imen sushchestvitelnykh, oboznachaiushchikh nazvaniya litsa (na materiale evenkiiskogo yazyka) [Suffixes of nouns denoting the names of a person (based on the material of the Evenki language)]. *Voprosy yazyka i literatury narodov Sibiri. [Questions of language and literature of the peoples of Siberia]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1974, pp. 17–29. (In Russ.)
- Buraev I. D. Sartulskii govor [Sartul dialect]. *Issledovanie buryatskikh dialektov. Vyp. 1 [Research of Buryat dialects. Is. 1]. Trudy BKNII SO AN SSSR [Proceedings of the Buryat Comprehensive Research Institute SB AS USSR]*. Ulan-Ude, 1965, Vol. 17, pp. 108–150. (In Russ.)
- Burykin A. A. *Istoriko-etnograficheskie i istoriko-kulturnye aspekty izucheniya onomasticheskogo prostanstva regiona. Ocherki po toponimike i etnonimike Vostochnoi Sibiri [Historical-ethnographic and historical-cultural aspects of the study of the onomastic space of the region. Essays on Toponymy and Ethnonymy of Eastern Siberia]*. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2006, 221 p. (In Russ.)
- Chimitdorzhiev Sh. B., Vanchikova Ts. P. (comp.). *Buryatskiye letopisi [Buryat chronicles]*. Kurumkan, Kurumkanskaya tipografiya Publ., 1995, 197 p. (In Russ.)
- Cleaves F. W. *The Secret History of the Mongols*. Cambridge, London, Harvard University Press, 1982, Vol. I (Translation), Lxv. 277 p.
- Damdinov D. G. K voprosu o proiskhozhdenii ononskikh khamnigan [To the question of the origin of the Onon-Khamnigans]. *Iz istorii narodov Buryatii [From the history of the peoples of Buryatia]*. *Trudy Buryatskogo kompleksnogo nauchno-issledovatel'skogo instituta [The works of the Buryat Complex Scientific Research Institute]*. Ulan-Ude, 1962, Vol. 10, pp. 169–178. (In Russ.)
- Damdinov D. G. *Ononskie khamnigany (istoriko-etnograficheskie ocherk) [Ononskie khamnigany (historical and ethnographic sketch)]*. Ulan-Ude, Sibir Publ., 1992, 57 p. (In Russ.)
- Georgi J. G. *Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich*. St. Petersburg, 1775, Bd. 2: ... in den Jahren 1773 und 1774. 506 s. (In German)
- Ivanov S. A. *Akanie i okanie v govorakh yakutskogo yazyka [A-ing and O-ing in dialects of the Yakut language]*. Yakutsk, Yakut Book Publ., 1980, 184 p. (In Russ.)
- Kozin S. M. *Sokrovennoe skazanie. Mongolskaya khronika 1240 g. pod nazvaniem Mongol-un Niguča Tobčiyān. Yuan' Chao Bi Shi. Mongolskii obydenyi sbornik [Secret legend. Mongolian chronicle of 1240 called Mongol-un Niguča Tobčiyān. Yuan Chao Bi Shi. Mongolian ordinary collection]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1941, Vol. I, 620 p. (In Russ.)
- Lebedeva E. P. K voprosu o rodovom sostave mongolov [On the issue of the tribal composition of the Mongols]. *Filologiya i istoriya mongolskikh narodov. Pamyati akademika Borisa Yakovlevicha Vladimirtsova [Philology and history of Mongolian peoples. In memory of academician Boris Yakovlevich Vladimirtsov]*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1958, pp. 219–227. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. M. Olovskie khamnigany v XIX v.: etnicheskii sostav i rasselenie [Olov Khamnigans in the 19th Century: Ethnic Composition and Allocation]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkeologiya. Etnologiya. Antropologiya [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series]*. 2020, Vol. 31, pp. 17–30. DOI 10.26516/2227-2380.2020.31.17. (In Russ.)
- Ochir A. *Mongolskie etnonimy: voprosy proiskhozhdeniya i etnicheskogo sostava mongolskikh narodov [Mongolian ethnonyms: questions of the origin and ethnic composition of the Mongolian peoples]*. Elista, KIGI RAS Publ., 2016, 304 p. (In Russ.)
- Ochir A., Serjee J. *Mongolchuudyn ovgiin lavlakh [Mongolian tribal index]*. Ulaanbaatar, ShUA-n Informatikiin Khureelengiin khevlekh khesege Publ., 1998, 67 p. (In Mongolian)
- Patkanov S. K. *Opyt geografii i statistiki tungusskikh plemen Sibiri na osnovanii dannykh perepisi naseleniya 1897 g. i drugikh istochnikov [The experience of geography and statistics of the Tungus tribes of Siberia based on the census data of 1897 and other sources]*. St. Petersburg, 1906, Vol. 1, Is. 2: Tungusy sobstvenno [The Tunguses], 175 p. (In Russ.)
- Patkanov S. K. *Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoi sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodtsev (na osnovanii dannykh spetsialnoi razrabotki materiala perepisi 1897 g.) [Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, language and kind of foreigners (on the basis of a special development of the material to the 1897 census)]*. St. Petersburg, 1912, Vol. 3: Irkutskaya guberniya, Zabaikalskaya, Amurskaya, Yakutskaya, Primorskaya oblasti i ostrov Sakhalin [The Irkutsk region, Zabaykalsky, Amur, Sakha, Primorye region and Island of Sakhalin], pp. 434–999. (In Russ.)
- Pelliot P., Hambis L. (traduit et annoté). *Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchéng lou*. Leiden, E. J. Brill Publ., 1951, T. I, XXVII, 485 p. (In French)
- Rinchen B. *Mongol ard ulsyn khamnigan ayalguu [Dialect of Khamnigans of Mongolia]*. Ulaanbaatar, ShUA Publ., 1969, 100 p. (In Mongolian)
- Rinchen B. *Etnolingvisticheskii atlas MNR [Ethnic and linguistic Atlas of MPR]*. Ulaanbaatar, 1979, 73 p, 244 maps. (In Russ.)
- Rumiantsev G. N. *Proiskhozhdenie khorinskikh buryat [The origin of the Khorin Buryats]*. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1962, 266 p. (In Russ.)
- Rumyantsev G. N. *Selenginskije buryaty [The Selenga Buryats]*. *Trudy BKNII SO AN SSSR [Proceedings of the Buryat Comprehensive Research Institute SB AS USSR]*. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1965, Vol. 16, pp. 87–117. (In Russ.)

- Shirokogorov S. M. *Sotsialnaya organizatsiya severnykh tungusov [Social organization of the Northern Tungus]*. Moscow, Nauka Publ., Vostochnaya literatura Publ., 2017, 710 p. (In Russ.)
- Spravochnik Yakutskoi oblasti na 1911 g. Izdannyi Yakutskim oblastnym statisticheskim komitetom pod redaktsiei sekretarya komiteta M. P. Nikolaeva [Directory of the Yakutsk region for 1911. Published by the Yakutsk regional statistical committee, edited by the secretary of the committee M. P. Nikolaev]*. Yakutsk, Tipografiya oblastnogo upravleniya Publ., 1911, 118+13+68+10 p. (In Russ.)
- Tsyndambaev Ts. B. *Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnyye [Buryat historical Chronicles and Genealogies]*. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1972, 662 p. (In Russ.)
- Urai-Kokhalmi K. Eshche raz k voprosu o proiskhozhdenii khamnigan [Once again on the origin of the Hamnigan]. *Kratkie soobshcheniya Instituta narodov Azii [Brief reports of the Institute of Asian Peoples]*. Moscow, AS SSSR Publ., Vol. 83. Mongolovedenie i tyurkologiya [Mongolian and Turkic Studies], pp. 156–164. (In Russ.)
- Ushnitskii V. V. Zagadka plemeni merkitov: problema proiskhozhdeniya i potomstva [Secret of the Merkit tribe: the problem of origin and offspring]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya [Bulletin of the Tomsk State University. History]*. 2013, Vol. 1 (21), pp. 191–195. (In Russ.)
- Uvarova T. B. *Nerchinskije evenki v XVIII–XX vekakh [Nerchinsk Evenks in the 18th – 20th centuries]*. Moscow, INION Publ., 2005, 172 p. (In Russ.)
- Vasilevich G. M. *Istoricheskie folklor evenkov. Skazaniya i predaniya [Historical folklore of the Evenks. Legends and traditions]*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966, 400 p. (In Russ.)
- Vasilevich G. M. *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII – nachalo XX v.) [Evenki. Historical and ethnographic essays (the 18th – beginning of the 20th century)]*. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 304 p. (In Russ.)
- Vasiliev A. P. *Zabaikalskie kazaki. Istoricheskie ocherki [Zabaikalskie Cossacks. Historical sketches]*. Chita, Tipografiya Voiskovogo Khozyaistva Zabaikalskogo kazacheskogo voiska Publ., 1916. Vol. 2, 267 p. (In Russ.)
- Zhamsaranova R. G. Genonimy tungusov i inorodtseburyat Nerchinskogo uezda tiurkskogo yazykovogo proiskhozhdeniya (na materiale revizskikh opisei XVIII – XIX vv.) [Genonyms of the Tungus and Buryat foreigners of the Nerchinsk district of Turkic linguistic origin (based on the revision inventories of the 18th – 19th centuries)]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal [Siberian Journal of Philology]*. 2011, Is. 1, pp. 142–150. (In Russ.)
- Zuev V. (transl.). Petra Simona Pallas, doktora meditsiny, professora naturalnoi istorii i chlena Rossiiskoi imperatorskoi Akademii nauk, i Sanktpeterburgskago Volnago ekonomicheskago obshchestva, takzhe Rimskoi imperatorskoi akademii izpytatelei estestva i Korolevskago Aglinskago uchenago sobraniia, Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskoi imperii. – [Peter Simon Pallas, Doctor of Medicine, Professor of Natural History and a member of the Russian Imperial Academy of Sciences, and the St. Petersburg Free Economic Society, also the Roman Imperial Academy of Naturalists and the Royal Aglinsky Scientific Assembly, Travel to different provinces of the Russian Empire]. St. Petersburg, (1773) 1788, Ch. 3, half 2: 1772 i 1773 godov, 480 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Нанзатов Баир Зориктоевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
e-mail: nanzatov@yandex.ru

Содномпилова Марина Михайловна

доктор исторических наук, доцент, кафедра этнологии и народной художественной культуры, Восточно-Сибирский государственный институт культуры; Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1
e-mail: sodnompilova@yandex.ru

Information about the authors

Nanzatov Bair Zoriktoevich

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS; 6, Sakhyanovast, Ulan-Ude, 670047, Russian Federation
e-mail: nanzatov@yandex.ru

Sodnompilova Marina Mikhailovna

Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of Ethnology and Folkart Culture, East-Siberian State Institute of Culture; 1, Tereshkova st., Ulan-Ude, 670031, Russian Federation
e-mail: sodnompilova@yandex.ru